

Если вы всерьез хотите
разочаровать родителей,
а к гомосексуализму душа не лежит, —
идите в искусство.

Курт Воннегут

ПРОЛОГ

— Гос-споди, девочки... Коровы коровами, — про-
стонал Андрей, режиссер-постановщик фэшн-
шоу, прикрывая ладонью лицо.

Он замер на площадке для фото- и видеооператоров, напротив конца длинного изогнутого подиумного «языка», на котором позировали модели, и критически высматривал ошибки, потенциальные триггерные точки для накладок.

— Алина, последний раз говорю, не задирай голову! — рявкнул он на одну из девушек и тут же обратился к представительнице модельного агентства, тоже присутствующей на прогоне:

— Если она так сделает на показе, сниму прямо с дефиле, поняла?

Та лишь мрачно кивнула. Андрей сунул руки в карманы, нахмурился:

— Черт-те кого присылают. Ни фактуры, ни походки...

Больше, чем проход моделей, его интересовали только возможные накладки.

Накладки бывают на любом фэшн-шоу — даже на самом топовом, даже на самом звездном. Это он знал

наверняка и неоднократно испытал на собственной шкуре... Однажды пустили эффектные искры по периметру подиума, и от фейерверка загорелся шлейф на свадебном платье, том самом, что должно было завершить показ. В другой раз на подиум выскочила кошка. Откуда она взялась в приличной галерее — никто не знал, но эта зараза устроилась посреди «языка» и принялась вылизывать свой рыжий зад. Все гости, байеры, журналисты фотографировали только ее, будто никто прежде кошек не видел. И это был грандиозный провал!

Сегодня такого не будет. Он все продумал заранее.

Никаких спецэффектов, никаких рискованных фейерверков, дымовых завес. Только свет.

Но свет, выставленный шикарно, — это уже победа.

Он будет меняться от коллекции к коллекции, будет преломляться в их чертовых стразах, будет отбрасывать драматические тени в их чертовых драпировках... Он станет другой стороной звука. Его глубиной.

— Ну как, все плохо? — К нему подошел помощник, Генчик Вавилов.

— Отвратительно, — отозвался Андрей с улыбкой.

Надо сказать, он был крайне суеверен и никогда не хвалил показ до его окончания. Зная эту странноватую привычку босса, Генчик усмехнулся.

— Швабры-коровы? — уточнил он на всякий случай насчет девочек-моделей.

— Неимоверные!

Генчик был польщен: кастинг моделей он проводил лично и впервые — самостоятельно. Больше ста

девушек хотели участвовать в показе. Он отобрал тридцать, самых лучших. То, что они «коровы», — лучшая похвала от Андрея перед дефиле. Генчик заулыбался, словно чеширский кот:

— Кто сегодня финалит шоу?

Режиссер сверился со списками:

— Стефан Марроне...

И неопределенно кивнул, указывая за кулисы.

Там, в просвете между задником и прикрепленными к нему гигантскими буквами-логотипами известного дома моды, стоял темноволосый парень, будто сошедший с полотен Караваджо. Оливковая кожа, темные глаза с сумасшедшинкой, чувственные губы, чуть вьющиеся жесткие волосы, собранные в небрежный хвост... Юноша пристально следил за шедшими по подиуму моделями и делал пометки в блокноте — что-то вычеркивал, что-то вписывал.

— Этот сопляк — Стефан Марроне? Тот самый? — Генчик презрительно скривился.

Андрей покосился на него и холодно проговорил:

— Сопляк или нет, но на него положила глаз сама Мария-Тереза Стафф. Если он ничего не заперет на дефиле — станет десятым претендентом на стажировку в ее Доме моды. А это, между прочим, золотой билет в мир Haute couture, — он взглянул на парня у кулис, задумчиво потер подбородок. — Я не удивлюсь, если он однажды станет главным дизайнером «Киар Алари»...

Генчик притих, с любопытством пялясь на молодого дизайнера.

Тот, почувствовав на себе их взгляды, неохотно оторвался от своих записей, посмотрел так, будто прибил взглядом к хлипкому помосту... Убрал блокнот в задний карман джинсов, а карандаш — за ухо. В тот момент он был похож на рассерженного ворона, дикого и злопамятного.

Стефан повернулся и ушел за кулисы.

— Н-да, с таким характером сложновато ему будет, — со знанием дела прокомментировал Генчик. — Даю голову на отсечение.

Андрей только презрительно фыркнул:

— С таким характером он выключает победу, а потом сыграет в регби твоей отсеченной головой.

Он спрыгнул с помоста и направился за кулисы. Надо проверить музыку и настройку звука — после третьего дефиле идет длительный проигрыш, во время которого должна произойти смена заставки на заднике. Нужно еще раз проконтролировать, сходитесь ли все по хронометражу.

Пройдя за кулисы, он почти нос к носу столкнулся со Стефаном. Тот будто ждал его.

— Чего? — неприветливо бросил Андрей ему в лицо.

Стефан протянул ему вырванный из блокнота листок в клетку с аккуратно написанными и обведенными в кружки цифрами пять, семь, тринадцать и шесть.

— Для моего дефиле нужны эти модели, — коротко приказал он. Именно приказал, а не попросил! Это особенно взбесило Андрея.

Режиссер едва дар речи не потерял:

— Ты офонарел? Завтра показ, все модели распределены, последовательность выходов выстроена... Я что, из-за тебя буду весь показ перекраивать?!

— Мне привести своих моделей? — Парень полоснул темным, как турецкая ночь, взглядом, будто кинжалом по тощему горлу режиссера.

Тот шумно выдохнул, представив, сколько вопросов вызовет этот финт, схватил листок, пробежал еще раз глазами. Выбранные сопляком девочки ничем особенным не отличались. Обычная для моделей внешность, обычный рост — метр семьдесят восемь. И на показе они загружены меньше других именно из-за своей заурядности. Вешалки, и не больше.

Он потряс листком перед носом Стефана.

— На фига они тебе? У тебя же нормальные модели выбраны для показа. Что с ними не так?

Парень отвел глаза на мгновение, скользнул взглядом мимо Андрея и пояснил неохотно:

— Походка. Мне для дефиле нужна их походка.

Не говоря больше ни слова, он сунул руки в карманы, повернулся и направился к выходу из зала.

Андрей так и остался стоять у кулис с зажатой в руке бумажкой, глядя ему вслед.

— С таким характером он себе башку пробьет, — зачем-то проговорил он. — А я станцую на его похоронах.

Но замену выходов моделей все-таки сделал.

Глава 1

Стефан

Из разговоров в кулуарах он знал, что Мария Стафф подбирает дизайнера-стажера на женскую линию Haute couture. Сейчас линию ведет француз Дидье Лапен, немолодой, но амбициозный и смелый. Его стиль — нечто компромиссное между авангардом Гальяно и шиком Ив-Сен Лорана. И это «нечто» оказалось непонятным клиенткам легендарного дома моды. Одна за другой коллекции терпели крах.

Тогда у учредителей и возникло предложение взять стажера, не связанного амплуа, не отягощенного предрассудками и тяжестью бренда, который будет представлять. Этакого нахала без связей и принципов, бродягу с улицы. Безусловно, он будет работать под началом Дидье Лапена и самой Марии-Терезы Стафф, но также безусловно и то, что ему дадут карт-бланш как минимум на первую коллекцию сезона. Провалится — выбросят вон без сожаления. Бизнес, ничего, кроме бизнеса!

Степан знал, что им можно предложить, знал, что его стиль совпадает с генеральной линией Дома моды, соединяющей женственность и провокацию. Он даст

им «свежую кровь», новый вид, пресловутый New Look! Молодой дизайнер уже мысленно представлял свою коллекцию на подиуме, видел заголовки модной прессы: «Шарм и провокация», «Шок нового гламура»... Или что-нибудь столь же хлесткое.

Идея крутилась рядом, парила в воздухе, а он все никак не мог ухватить ее — та словно ускользала сквозь пальцы, едва он протягивал руку. Будто застенчивая фея, она касалась легкими крыльями затылка и пряталась, стоило обернуться и взглянуть на нее.

Степан пропустил вечерние посиделки с чаем и печеньем, невпопад отвечал на вопросы. Пару раз он поймал на себе расстроенный взгляд Алины, заметил ее припухшие от слез глаза и понял, что больше она не поедет с ними.

Оно и к лучшему. Может, обратит внимание на кого-то рядом — того, кто будет ценить ее шелковистые волосы цвета спелой пшеницы, ее беспокойные глаза и бледные губы.

— Ты чего весь не в себе, — к нему подсел Николай, сунул в руки железную кружку с земляничным чаем.

— Меня пригласили на кастинг для Дома моды «Киар Алари», — отозвался он, пристально глядя на пламя костра.

У Николая, хоть он и был далек от мира моды, как лошадь Пржевальского от королевских скачек, от удивления вытянулось лицо — название-то знакомое.

— Фига се, — вырвалось у него. — Ну, ты крут, брат! Скажи когда, приду болеть за тебя. Даже железки свои брошу.

Степан кивнул, усмехнулся криво.

— С Алинкой вы, что ли, поругались? — Николай на правах старого школьного товарища влез и в это.

Командор отозвался уклончиво:

— Не то чтобы. Но... Она вряд ли еще поедет с нами сплавляться.

— Понятно, — Громов невесело хмыкнул. — А красивая бы из вас пара получилась. Точно бы люто тебе завидовал, приходя в гости со своей бабой, — он похлопал друга по плечу. — Ладно, держись, брат. Прорвемся.

Степан ушел спать позже остальных, когда костер выгорел дотла, а черные уголья тяжело вздыхали, перебирая оранжевые искры, будто шаман — четки. Ощущение упущенного озарения, усугубленное тревогой и разочарованием, не покидало его. Парень закутался в спальник, а перед глазами все искрились неуловимые крылья его феи, которая принесла идею, но так и не подарила ее.

«Или все-таки сделать новье?» — мучился он, засыпая.

* * *

Три недели ранее

Ноздри втягивали влажный горячий воздух, топкий, пьяный. Солнце, хоть и стояло высоко, уже перевалило за зенит, не палило, светило ярко, ровно, оранжево.

По серебристой глади реки скользили три байдарки. Яркие борта поблескивали, лениво отражая сетку из бликов от воды, привлекали внимание суетливых стрекоз. Одна, особо настырная, трещала перламутровыми крыльями и норовила присесть на лодочный нос.

Коля Громов, сидевший на носу, неловко вывернул весло, обрызгал рыжую обшивку байдарки, спугнул насекомое. Он обернулся через плечо на корму и бросил беспечно:

— Ты чего сегодня притаился, Командор? Опять про баб своих думаешь?

Высокий парень, смуглый и темноглазый, криво усмехнулся, посмотрел на берег, сверился с картой маршрута.

— Это ты про баб думаешь, а я про девушек и женщин...

— Ну-ну, рассказывай, — примирительно хохотнул Колян.

Тощий и жилистый, в обычной, не байдарочной жизни он был программистом.

Тот, кого Колян назвал Командором, размял затекшие плечи, покрутил головой, поправил бандану.

— Вот попомни мои слова, — проговорил он мечтательно, — женишься ты на бабе. Баба будет тебя встречать с работы, готовить тебе ужин и ложиться к тебе в постель. А по выходным будешь приходить ко мне в гости, где тебя будет встречать моя женщина. И будешь завидовать и злиться. Потому что каждый выбирает то, что ищет. Ты — бабу. Я — женщину. Чувешь разницу?

Он достал фляжку с водой, отпил, протянул товарищу. Тот потянулся за ней, сделал несколько жадных глотков и заключил наконец:

— Ты просто бабник!

Командор засмеялся:

— Не без этого... Вот там, за поворотом реки, судя по карте, стоянка есть. Смотри на срубленный ствол и лохматую иву как ориентиры.

— Не рано на ночевку собираешься? — Николай вернул ему фляжку с водой, снова взялся за весло.

— Не рано.

Он торопился добраться до стоянки и включить радиостанцию — ждал новостей.

— Ты нас загонишь, Командор, — поравнявшись с его байдаркой и сдувая с носа неповоротливого лесного комара, простонала Алинка — в обычной жизни блондинка, красотка и «девочка-девочка», здесь — верный друг-байдарочник и завхоз.

Он покачал головой, кивнул на берег и коротко бросил, сворачивая на мелководе:

— На карте маршрута здесь стоянка значит, за-ночуем здесь.

— Солнце еще высоко, могли бы пройти еще пару километров до Скобцева, — с сомнением проворчала девушка, сворачивая за ним следом.

Парень посмотрел на нее через плечо, скривился:

— GPS ни фига не ловит, надо с Москвой связаться.

Алинка фыркнула:

— Так бы и сказал, городской мальчик, — она знала, как его можно задеть, и особенно любила тот

момент, когда парень зеленел от гнева, когда раздувались его ноздри и взгляд становился звериным. В такие минуты он больше всего напоминал тореадора — решительного, взвинченного до предела, готового на глупость. Настоящий Командор.

Вот и сейчас он полоснул ее темным обсидиановым взглядом, шумно вдохнул пряный, пропахший рекой воздух. Пальцы вцепились в весло, костяшки побелели от напряжения. Алинка побоялась, что он сейчас его сломает, и примирительно хмыкнула:

— Да ладно, что ты бесишься, я же шучу.

Он не ответил, только крикнул Николаю:

— Идем к берегу!

Командор сделал широкий гребок. Еще несколько размашистых движений — и он добрался до берега.

Их байдарка скрипнула по прибрежной осоке. Командор с напарником почти одновременно спрыгнули в воду, затащили лодку на траву и помогли остальным выбраться на берег, удобно сдвинув лодки бортами.

Пока ребята устраивались на ночлег, выполняя раз и навсегда принятые в походе обязанности, Командор дернул из герметичного пакета радиостанцию, подключил. Чтобы поймать сигнал, пришлось отойти на несколько метров и забраться на разлапистую иву, к которой кто-то, отдышавший здесь раньше, заботливо прикрутил табличку «Связь тут!».

Он набрал номер, с раздражением отметив, как дрожат руки.

— Алло, — услышал сонный голос мамы. Командор посмотрел на часы, в Москве полдень.

— Мам, это я. Ты чего, спала?

Мать сладко зевнула:

— Как догадался?

— Все нормально?

— Да нормально, конечно, — отмахнулась она. — Звонка от папки твоего ждала до трех ночи. Вот и сонная весь день, будто муха.

— Он же вроде вечером вернуться должен был? — парень прислонился спиной к прохладному стволу, поднял глаза на яркое, светло-васильковое небо, автоматически отметил оттенок и подумал о том, как его можно использовать в работе.

Мать проворчала:

— Чем ты меня слушаешь, Степа? Я же тебе перед отъездом говорила, что отец задерживается, что перенесли переговоры и что вернется к выходным.

Степан кивал, как заводная кукла, но мать это, ясное дело, не видела. Конечно, она говорила, а он пропустил. Последнее время он почти все пропускает мимо ушей.

— Ты добрался? — с той же ворчливой интонацией спросила мать.

Парень слышал, как рядом с ней щелкнула кнопка электрочайника, представил, как она сейчас станет заваривать чай. Кажется, даже почувствовал щекочущий ноздри аромат ванили и жасмина. Цветовое решение: светло-васильковый, желтовато-белый и бледно-зе-